ИНЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2014 Павлов Владимир Павлович
доктор юридических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49
E-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru

Рассматриваются вопросы содержания иных форм собственности и актуальности правового оформления полной спецификации форм собственности в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: собственность, проявления собственности, право собственности, ограниченные вещные права, классификация форм собственности, функциональная структура форм собственности.

1. Собственность и право собственности

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ) в ст. 212 лишь упоминает об иных формах собственности, не раскрывая их конкретного содержания, а проект изменений и дополнений в ГК РФ (далее - Проект) исключает даже упоминание о них. В качестве обоснования такой новации приводятся доводы о том, что в действительности существуют только частная и публичная собственность. Разновидностью последней является государственная и муниципальная собственность. Иных же форм собственности, кроме перечисленных в законе, нет и быть не может, а содержание п.1 ст. 212 ГК РФ - вынужденная калька п. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации, которую предлагаемый Проект исправляет в силу надуманности иных форм собственности.

Детальный анализ гл. 13 ГК РФ позволяет сделать выводы, отличающиеся от вышеизложенных.

Первое, на что следует обратить внимание, - это неоднозначность используемого терминологического аппарата. В п. 1 ст. 209 ГК РФ законодатель некорректно отождествляет различные категории - “собственность” и “право собственности”. Согласно данной формулировке, если названная совокупность прав принадлежит определенному лицу, то это лицо является одновременно и собственником, и обладателем права собственности на вещь.

Еще Гегель убедительно доказал, что собственность - это личностная характеристика, содержанием которой является совокупность навыков действий лица с вещью. Будучи объективной, внеправовой категорией, собственность находится вне сферы правового регулирования, но должна учитываться при правовом регулировании имущественных отношений через институт права собственности. Например, можно обладать правом собственности на вещь, но не иметь навыков обращения с нею. И наоборот, имея необходимые навыки, не иметь статуса правообладателя вещи и в силу объективной необходимости вступать в договорные отношения с правообладателем для извлечения полезных свойств из вещи.

Различие и зависимость права собственности от собственности отражены в законодательстве путем ограничения прав обладателя права собственности на вещь, который в силу ряда причин не имеет навыков действий с этой вещью, т.е. не является собственником.

Например, законодательство допускает возможность любому лицу приобретать и иметь на праве собственности автомобиль. Однако до той поры, пока это лицо не освоит навыки вождения и не подтвердит эти навыки на квалификационном экзамене в органах ГАИ, использовать автомобиль собственными силами по прямому назначению ему запрещено законом.

Нельзя не отметить, что ряд цивилистов уже обращали внимание на заложенное в ст. 209 ГК РФ противоречие. М.И. Кулагин относит отождествление собственности и права собственности в его вещно-правовой оболочке к наиболее распространенной методологической ошибке[1]. А.Е. Черноморец предлагает разделить эти понятия[2]. Однако, по мнению К.И. Скловского, трудности, которые останавливают многих исследователей при попытках разделить понятия “собственность” и “право собственности”, являются

неразрешимыми. Поэтому, несмотря на обоснованную позицию А.Е. Черноморца, К.И. Скловский предлагает считать их тождественными[3].

Следует отметить, что еще большие трудности возникают при отождествлении рассматриваемых понятий.

Действительно, содержание п. 1 ст. 212 ГК РФ вызывает вопрос: что предлагает классифицировать законодатель - право собственности или собственность? Заголовок статьи настраивает на классификацию права собственности по субъектному составу. Однако в содержании названной статьи говорится о возникающих в результате деления формах собственности, а не о формах права собственности. Устранить данную неопределенность позволяет содержание п. 2 ст. 209 и п. 3 ст. 212 ГК РФ, согласно которым функционально объем прав, т.е. формы права собственности зависят и от характера имущества, и от субъекта права собственности.

Исследуя конституционное положение об иных формах права собственности на основе анализа законодательства иностранных государств, В.А. Кикоть приходит к обоснованному выводу о том, что, в отличие от отечественного законодателя, который в ГК РФ ограничился классификацией форм права собственности по субъектному составу, западное законодательство идет по пути классификации форм права собственности по всем трем элементам, составляющим правоотношение собственности. Так, учитывая особенности владения, пользования и распоряжения такими объектами, как земля, водные ресурсы, воздушное пространство, соответствующие кодексы (земельный, водный, воздушный) следует рассматривать как нормативное закрепление иных форм права собственности при классификации форм права собственности по объектному составу[4].

С учетом того обстоятельства, что современное производство является общественным и глубоко дифференцированным по функциям, которые выполняет каждый из участников совместного труда, производится дифференциация форм права собственности по содержанию правоотношений собственности. При этом каждый участник производственного процесса, реализуя на рабочем месте свои навыки (собственность), становится частичным собственником вновь созданного продукта.

Классификация форм права собственности по функциональному признаку имеет давнюю традицию в российском законодательстве. Так, в т. X Свода законов Российской империи в ст. 423 и 432 дается определение полного и неполного права собственности, различие между которыми состоит в разном объеме функций, которые вправе реализовывать правообладатель. В ныне действующей ст. 216 ГК РФ представлен неполный перечень функционально распределенных между разными лицами частичных форм права собственности, обозначенных как ограниченные вещные права.

Естественно, что для правоприменительной практики необходима полная структура элементарных форм собственности, которая объективно складывается сегодня и может сложиться в будущем в процессе совместной экономической деятельности субъектов. Матричная модель такой структуры, с наложением правовых ограничений на объемы их реализации известна[5]. На отсутствие нормативного закрепления полной спецификации прав собственности как фактор, препятствующий защите экономическими агентами своих прав в суде, указывают ряд авторов[6].

Таким образом, можно сделать вывод, что отрицание законодателем иных форм права собственности имеет не абсолютный характер - оно относится только к их классификации по субъектному составу.

Давая, в целом, оценку применимости понятийного аппарата гражданского права к отношениям собственности в предпринимательской деятельности, М.И. Кулагин приходит к следующему выводу: “Цивилистические определения собственности обычно отождествляются с соответствующими определениями собственности, содержащимися в гражданских кодексах (с теми оговорками, что гражданско-правовые полномочия собственника “социально связаны” и что это определение не должно распространяться на сферу промышленности и торговли)”[7].

2. Экономическая обусловленность существования функционально распределенных форм собственности

Следуя гегелевскому определению собственности, необходимо признать, что функциональные формы собственности определяются исторически сложившимся способом производства продукта. Действительно, средневековый ремесленник имел полный объем навыков по изготовлению вещи на продажу и ставил на товаре личное клей-

мо. В его лице совпадали и собственник, и обладатель права собственности на товар.

Однако уже в те времена массовое производство требовало иной функциональной организации. Так, в иконописных артелях одни мастера писали все, кроме лица ("лика"), и назывались "доличниками", а другие писали только лики и назывались "личниками". Третьи занимались золочением икон ("позолотчики")[8].

Существует предположение, что многочисленность подписанных Рубенсом работ (которые исчисляются тысячами) обусловлена большой помощью, которую художнику оказывали его ученики. Для холстов большого размера сам мастер выполнял только первоначальный эскиз композиции и наносил краски на те участки, которые требовали особой проработки. Зачастую он представлял клиентам миниатюрный гризайльный эскиз будущего холста и, получив их одобрение, доверял его исполнение подмастерьям[9].

В отличие от ремесленника, который в процессе цехового обучения осваивал все операции по производству товарного продукта, в современном глубоко дифференцированном по операциям крупном машинном производстве работник имеет профессию токаря, фрезеровщика, штамповщика, регулировщика и т.д., которая позволяет ему участвовать в коллективном производстве сложного продукта (например, автомобиля), но недостаточна для единоличного производства продукции. По этой причине применение средневекового института права собственности, в основу которого положено отождествление собственника и лица, наделенного правом собственности, возможно только с той поправкой, что в качестве собственника произведенного продукта выступает весь трудовой коллектив, каждый член которого обладает частичной, функционально определенной формой собственности, обусловленной его профессиональной подготовкой и местом в производственном процессе.

Однако именно указанную поправку не учитывают некоторые цивилисты, пытаясь отождествить категории "собственность" и "право собственности" и отказывая трудовому коллективу в праве собственности на созданный его трудом товарный продукт.

Анализируя структуру отношений монополистических объединений начала XX в., В.К. Райхер приходит к следующему выводу: "Отношения собственности все чаще и чаще преломляются в период империализма сквозь призму обязательственного права, а сплошь и рядом прямо вступают в обязательственно-правовых формах. Если ранее обязательство было по преимуществу одним из "способов приобретения собственности", то в этот период оно становится в значительно возрастающей мере и одной из форм существования собственности"[10].

Современное состояние функциональной распределенности права собственности между несколькими юридическими лицами, объединяющими свои усилия для совместного ведения предпринимательской деятельности, демонстрирует Б.И. Пугинский: "Увеличение объемов производства и насыщение рынка резко повысили значение сбытовой функции, повлекли подчинение производителя задаче реализации товара… Сегодня не товаропроизводитель определяет количество и разновидность продукции, изготовляемой на принадлежащем ему оборудовании, а торговые посредники, непрерывно следящие за конъюнктурой рынка. При этом организационные договоры между производителями и сбытовиками направлены на регламентацию будущих имущественных отношений сторон и носят, как правило, долгосрочный или бессрочный характер"[11].

Развивая вышеприведенную мысль применительно к ТНК конца XX в., М.И. Кулагин приходит к следующему выводу: "Каждая в отдельности страна может воздействовать с помощью своего законодательства и административных мер не на всю транснациональную корпорацию, а только на ее часть, функционирующую в пределах ее государственных границ, если только здесь не располагается штаб-квартира компании. В этой ограниченности правового воздействия и коренится его неэффективность. Повысить ее возможно только путем регламентации деятельности центра управления ТНК - материнской или головной компании. Однако регулирование деятельности ТНК - регулирование особого рода. Сама по себе транснациональная компания не является единым субъектом права, она представляет собой организацию нескольких (иногда десятков, а то и сотен) самостоятельных в правовом отношении юридических образований"[12].

Подчеркивая актуальность исследований М.И. Кулагина для понимания структуры отношений собственности в современной России, Е.А. Суханов дает им следующую оценку: "Среди тенденций, связанных с правом собственнос-

ти, автор отмечает уменьшение роли индивидуальной и возрастание значения ассоциированной, а также государственной собственности, дальнейшее умножение всякого рода ограничений права собственности, появление новых объектов вещных прав в связи с развитием науки, техники и рыночных отношений, обострение конфликта собственности и власти в рамках акционерного общества"[13].

Таким образом, структура ассоциированного собственника, оформленная в виде нескольких формально независимых юридических лиц, все чаще используется как инструмент борьбы личного коммерческого интереса не только с правами непосредственных кредиторов, но и с общественными интересами в целом, так как, кроме ограничения предпринимательского риска, зачастую преследуется цель уклонения от уплаты налогов, от исполнения предписаний инвестиционного и антитрестовского законодательства.

Осознавая опасность для национальных интересов тактики внутренних трансакций материальных и финансовых ресурсов ТНК, оформляемых в качестве гражданско-правовых сделок независимых юридических лиц, западная судебная доктрина выработала концепцию "снятия корпоративной вуали". По сути, она означает следующее: для целей рассматриваемого спора (и только для этих целей) суд признает, что компания не является отдельным от контролирующего ее лица субъектом права, т.е. атрибутирует этому лицу обязательства и (или) права компании[14].

В связи с изложенным возникают вопросы об организации эффективного контроля за деятельностью ТНК после признания в 2007 г. утратившим силу Федерального закона "О финансово-промышленных группах" и отменой вследствие этого государственной регистрации финансово-промышленных групп и ведения государственного реестра финансово-промышленных групп. Бывший в то время зампред комитета верхней палаты парламента по экономической политике Владимир Гусев так прокомментировал это событие: "Участники таких групп теперь регистрируются как отдельные юридические лица"[15].

3. Выводы

Нетрудно проследить причинно-следственную связь между нежеланием законодателя признавать объективно складывающиеся в предпринимательской деятельности формы собственности, облекать их в правовые формы и последствиями для экономики страны такой позиции:

1. Подрыв национальной экономики ТНК с иностранным базированием. По мнению М.И. Кулагина, "своекорыстная деятельность ТНК породила множество проблем. ТНК стараются скрыть точную информацию о своем финансовом положении и о своих операциях. Кроме того, эти характеристики непрерывно изменяются"[16]. При очевидной необходимости наднационального регулирования деятельности ТНК практическое решение этой проблемы неоднозначно. Так, остается открытым вопрос о соотношении национальных интересов и интересов мировых монополий в правовом регулировании деятельности ВТО, в числе участников которой оказалась и Россия.

2. Снижение мотивации к труду работников, отстраненных от участия в прибыли предприятия. Как следствие - невысокая производительность труда на отдельных предприятиях и наблюдаемое в последнее время снижение темпов роста ВВП по стране[17].

3. Деградация ранее конкурентоспособных на мировом рынке отраслей отечественной промышленности. Так, ВПК России сорвал контракт с Индией стоимостью 1,4 млрд долл. на поставку переоснащенного авианосца "Викрамадитья". Индия должна была получить авианосец осенью 2008 г., а фактическая передача заказчику состоялась 16 ноября 2013 г. Причиной срыва явился тот факт, что у "Севмаша", которому поручили переоснащение, не было опыта строительства авианосцев (все советские авианесущие корабли были построены в Николаеве на Украине). В итоге Россия потеряла на ремонте около 1 млрд руб.[18]

---

[1] *Кулагин М.И.* Избранные труды по акционерному и торговому праву. URL:http://civil.consultant.ru/elib/books/6/page_33.html.

[2] *Черноморец А.Е.* Некоторые теоретические проблемы права собственности в свете Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. № 1. С. 96-99.

[3] *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 1999. С. 13.

[4] См.: *Кикоть В.А.* Вступительная статья к кн.: *Лазар Я.* Собственность в буржуазной правовой теории / пер. с нем. В.П. Рассохина, В. Марченко; авт. предисл. В.П. Рассохин; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Кикоть. М., 1985. С. 5-22.; *Кикоть В.А. Краснов Н.И.* Правовой режим земель специального назначения. М., 1961; Советское государство и право. 1963. № 1. С. 143-144.

[5] См.: *Павлов В.П.* Проблемы теории собственности в российском гражданском праве: монография. М., 2000.

[6] См.: *Фомина О.А.* Влияние экономических интересов собственников факторов производства на процессы инвестирования // Вопросы экономики и права. 2013. № 9. С. 66; *Королева О.В., Перегудова Л.В.* Институциональное регулирование инновационной деятельности торговых организаций // Вопросы экономики и права. 2013. № 10. С. 56.

[7] *Кулагин М.И.* Избранные труды по акционерному и торговому праву. (Подробнее об этих концепциях см.: *Лазар Я.* Собственность в буржуазной правовой теории. С. 49-50, 56-57.)

[8] См.: *Сергеев Ю.П.* Секреты иконописного мастерства. Библиотечка "Юного художника". Выпуск первый. М., 2000. URL: http://www.nesusvet.narod.ru/ico/books/sergeev.

[9] См.: Петер Пауль Рубенс. Url: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D1%81,_%D0%9F%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80_%D0%9F%D0%B0%D1%83%D0%BB%D1%8C#.D0.A2.D0.B2.D0.BE.D1.80.D1.87.D0.B5.D1.81.D0.BA.D0.B0.D1.8F_.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B5.D1.80.D0.B0.

[10] *Райхер В.К.* Гражданско-правовые системы антагонистических формаций // Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962. С. 280-310. URL: http://www.twirpx.com/signup.

[11] *Пугинский Б.И.* Коммерческое право России. М., 2013. С. 61, 309.

[12] *Кулагин М.И.* Указ. соч.

[13] *Суханов Е.А.* Предисловие // Кулагин М.И. Указ. соч.

[14] Срывая покровы. Доктрина "снятия корпоративной вуали" в зарубежных странах и в России. URL: http://www.roche-duffay.ru/articles/corporate_veil.htm.

[15] См.: *Лаптев В.А.* Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008. URL: http://books.google.ru/books?id=se3OogyA7VsC&pg=PA23&lpg=PA23&dq=%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B0+%D0%BE+%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0%D1%85&source=bl&ots=WFsN2gg3Ab&sig=QF1uOJQD6e_zITCiHD1gHDCWxUY&hl=ru&sa=X&ei=sF3rUpTICcfP4QSD6YGACA&ved=0CCYQ6AEwAA#v=onepage&q=%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B0%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D0%BE%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0%D1%85&f=false.

[16] *Кулагин М.И.* Указ. соч.

[17] См., например: *Муртазина Г.П.* Институциональные ловушки потребления человеческого капитала // Вопросы экономики и права. 2013. № 7. С. 57.

[18] URL: http://vestnik-evropy.squarespace.com/all-articles/2011/3/10/-19912008.html.

Поступила в редакцию 03.12.2013 г.